

УДК 903.21:903.5

В.И. Соенов, Е.А. Константинова

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩИЕ ИНСТРУМЕНТЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ВЕРХ-УЙМОН (Алтай)*

Данной статьей вводится в научный оборот серия железных деревообрабатывающих инструментов из могильника Верх-Уймон в контексте оценки уровня развития ремесла у населения булан-кобинской культуры Алтая гунно-сарматского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.). Публикуемая серия изделий представлена рубящими (теслами), режущо-поворачивающим (шилом), режущо-строгающими (ножами и стамесками) инструментами. Находки на памятнике специализированного инструментария (радиусная стамеска и клюкарза) являются важнейшим и неоспоримым показателем развитого вида деревообрабатывающей ремесленной деятельности у носителей булан-кобинской культуры. Использование таких инструментов подтверждается находками в погребениях глубокой деревянной посуды типа кружкообразных сосудов с круглым дном, кувшинов, чаш, ковшей и др. По мнению авторов, наличие узкоспециализированных стамесок у «булан-кобинцев» отражает процесс выделения деревообрабатывающего ремесла в самостоятельную сферу деятельности. Об этом свидетельствует также разнообразие полифункциональных лезвийных инструментов, орудий для их заточки и изделий со следами обработки.

Ключевые слова: Алтай, гунно-сарматское время, Верх-Уймон, могильник, булан-кобинская культура, ремесло, деревообработка, инструментарий.

DOI: 10.14258/tpai(2013)2(8).-04

Введение

Деревообработка относится к древнейшим индустриям: первоначальные приемы и способы изготовления деревянных изделий, а также первые каменные орудия, пригодные для обработки древесины, были изобретены человеком еще в палеолите. Наиболее яркие свидетельства развитой деревообработки на Алтае были получены при раскопках памятников скифоидной пазырыкской культуры середины – 2-й половины I тыс. до н.э. В курганах пазырыкской знати благодаря мерзлоте, а также значительной глубине ям рядовых курганов и особым условиям алтайского высокогорья хорошо сохранились древесина и другие органические материалы. Результаты изучения таких пазырыкских предметов отражены в большом количестве научных трудов [Радлов, 1989; Грязнов, 1950; Киселев, 1951; Руденко, 1953, 1960; Семенов, 1956; Кубарев, 1987, 1990, 1992; Мыльников, 1999, 2008; Полосьмак, 2001; Феномен..., 2000; Самашев, Мыльников, 2004; Молодин и др., 2012; и мн. др.].

Реконструкции деревообработки последующего за пазырыкским гунно-сарматского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.) уделено значительно меньше внимания со стороны исследователей. Это связано, в первую очередь, со слабой степенью сохранности древесины в памятниках из-за отсутствия в них особых условий. Кроме того, грандиозность погребальных конструкций и пышность погребального обряда культуры «пазырыкцев» сменяются более умеренными погребальными традициями носителей булан-кобинской культуры, из-за чего найденные деревянные изделия этого периода не отличаются большим количеством и разнообразием форм. Но эти проблемы не мешали освещению в научной литературе вопросов деревообработки 1-й половины I тыс. н.э. на примерах отдельных памятников.

* Работа подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Реконструкция систем жизнеобеспечения древних и традиционных обществ Горного Алтая» (№6.3494.2011) госзадания Министерства образования и науки Российской Федерации.

Так, в статье А.И. Семенова [1995, с. 147–149] изложены результаты ксилотомического анализа древков стрел и деталей лука из пещерного погребения Камтыттукем. По анатомическому строению использованного дерева все древки определены как березовые, причем в качестве заготовок использовалась взрослая древесина, а не прутики. Все диагностированные детали лука были изготовлены из тополя. Ксилотомические диагнозы редки даже для коллекций с хорошей сохранностью дерева, поэтому полученная исследователем серия диагнозов дала хорошую возможность историко-культурной и биологической характеристики региона в гунно-сарматское время.

Статьи А.А. Тишкина и В.П. Мыльникова [2007, с. 159–165; 2008, с. 93–102] посвящены изучению деревянных предметов из кургана №31 памятника Яломан-П. Рассматривая морфологические особенности предметов, исследователи уделяют внимание изучению следов от орудий на изделиях. Авторы заключают, что деревообработка в целом по этому периоду носит характер домашнего ремесла и лишь изделия повышенной сложности выполняются опытными мастерами.

Предварительные результаты ксилотомических исследований археологических находок из того же памятника опубликованы А.А. Тишкиным [2009, с. 330–332]. Им отмечено, что в гунно-сарматское время древки стрел изготавливались из березы, также из нее делали посуду, детали колчана, жестких седел и т.д. Применялась и древесина кедра, тополя, ивы, крушины ломкой и пр. Зафиксирована импортная древесина – палисандр, произрастающий на территории Китая.

Отдельные вопросы древней деревообработки и деревообрабатывающие инструменты из памятников Алтая V в. до н.э. – V в. н.э. рассматривались Е.А. Штанаковой [2009, с. 153–154; 2010, с. 289–290]. В ее работах отмечено, что выбор инструментария и определенной породы дерева (и даже использование его конкретной части) для изготовления предмета зависел от категории предмета и его назначения.

Статья В.И. Соенова и Е.А. Штанаковой [2011а, с. 177–186] посвящена результатам исследования деревянной посуды из могильника гунно-сарматского времени Курайка. В частности, рассматривались два миниатюрных блюда-столика и фрагменты пиалы. Были определены породы дерева, использовавшегося для изготовления посуды, и обозначен инструментарий, необходимый для производства данной посуды. В заключение авторами отмечено, что, несмотря на свою простоту и вотивность, курайские изделия демонстрируют многоступенчатость и разнообразие технологического процесса обработки дерева в гунно-сарматское время.

Важнейшим и неоспоримым показателем уровня деревообработки как вида ремесленной деятельности являются находки деревообрабатывающего инструментария в памятниках. Поэтому в продолжение исследований в области деревообработки населения Алтая гунно-сарматского времени мы вводим в научный оборот серию деревообрабатывающих инструментов, найденных при исследовании могильника Верх-Уймон.

Могильник Верх-Уймон расположен на западной окраине одноименного села Усть-Коксинского района Республики Алтай. На памятнике раскопано около четырех десятков курганов, относящихся к булан-кобинской культуре [Суразаков, 1985, с. 26–27; Соенов, Эбель, 1992, с. 19–27; 1996, с. 157–158; Соенов, 1997; 2000а, с. 48–62; 2000б, с. 201–202; 2003а, с. 15–16; 2003б, с. 30–36; 2005а, с. 24–28; 2005б, с. 486–487; Соенов и др., 2005, с. 169–171]. По элементам погребального обряда и составу инвентаря верх-уймонские погребения были датированы в рамках III–V в. н.э.

Полученная серия деревообрабатывающих инструментов была разделена на три категории, критерием для выделения которых послужил способ их воздействия на материал. Первая категория – рубящие инструменты – представлена теслами. Вторая – режуще-строгающие инструменты – ножами и стамесками. Третья – режуще-проворачивающие инструменты – шилом.

Описание изделий

Рубящие инструменты. Железное тесло (рис. 1.-3) найдено в погребении кургана №37, около костей кисти правой руки. Оно имеет подпрямоугольный вид и закругленную заднюю стенку. Ширина лезвия и ширина несомкнутой втулки равноразмерны. Сечение лезвия имеет асимметричную форму. Длина тесла – 12,5 см, ширина лезвия – 4,5 см, высота закраин втулки – 6 см.

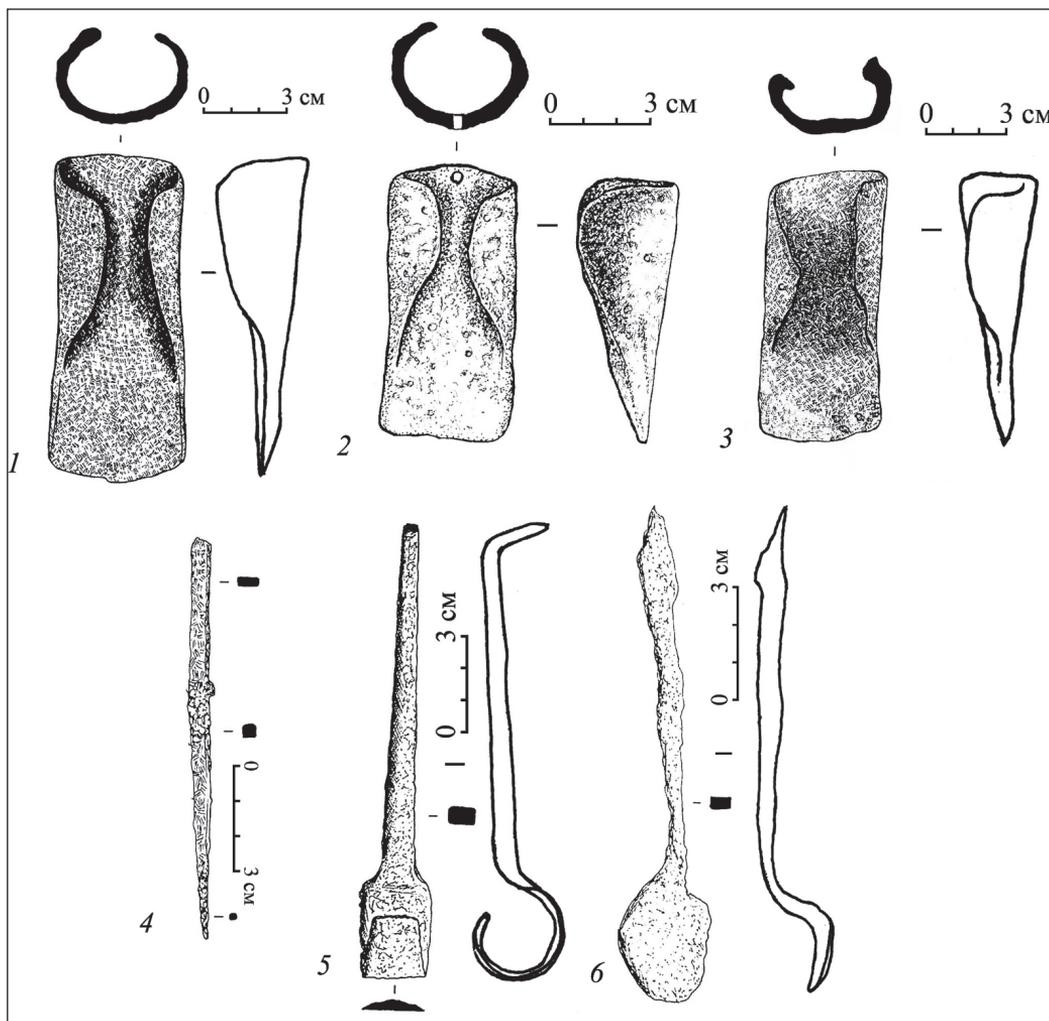

Рис. 1. Железные деревообрабатывающие инструменты из могильника Верх-Уймон: 1-3 – тесла (1 – курган №33; 2 – курган №38; 3 – курган №37); 4 – шило (курган №37); 5 – стамеска радиусная (курган №20); 6 – стамеска-клюкарза (курган №15)

Железное тесло (рис. 1.-2) найдено в погребении кургана №33, справа от тазовых костей. Инструмент имеет подпрямоугольный вид и закругленную заднюю стенку с отверстием для крепления к рукояти. Ширина лезвия и ширина несомкнутой втулки имеют равную величину. Сечение лезвия асимметрично. Длина тесла – 8,5 см, ширина лезвия – 4 см, высота закраин втулки равна 6 см.

Железное тесло (рис. 1.-3) найдено в погребении кургана №38, на костях левой ступни, где также зафиксированы остатки рукояти в виде древесного тлена. Оно имеет подпрямоугольный вид и слегка округлую заднюю стенку. Ширина лезвия и ширина несомкнутой втулки равноразмерны. Сечение лезвия имеет асимметричную форму. Длина тесла – 10 см, ширина лезвия – 4,5 см, высота закраин втулки – 6 см.

Режущие-строгающие инструменты

Ножи. Железный нож с сечением клинка в виде высокого треугольника лежал в кургане №5, на левой стороне груди погребенного. Изделие неполной сохранности и состоит из пяти фрагментов. Фрагментарность изделия затрудняет точное определение его формы и размеров. Зафиксированная общая длина ножа составляет 11,5 см, длина клинка – 8,8 см, длина черешка – 2,7 см, максимальная ширина клинка – 1,2 см, максимальная ширина черешка – 1 см (рис. 2.-8).

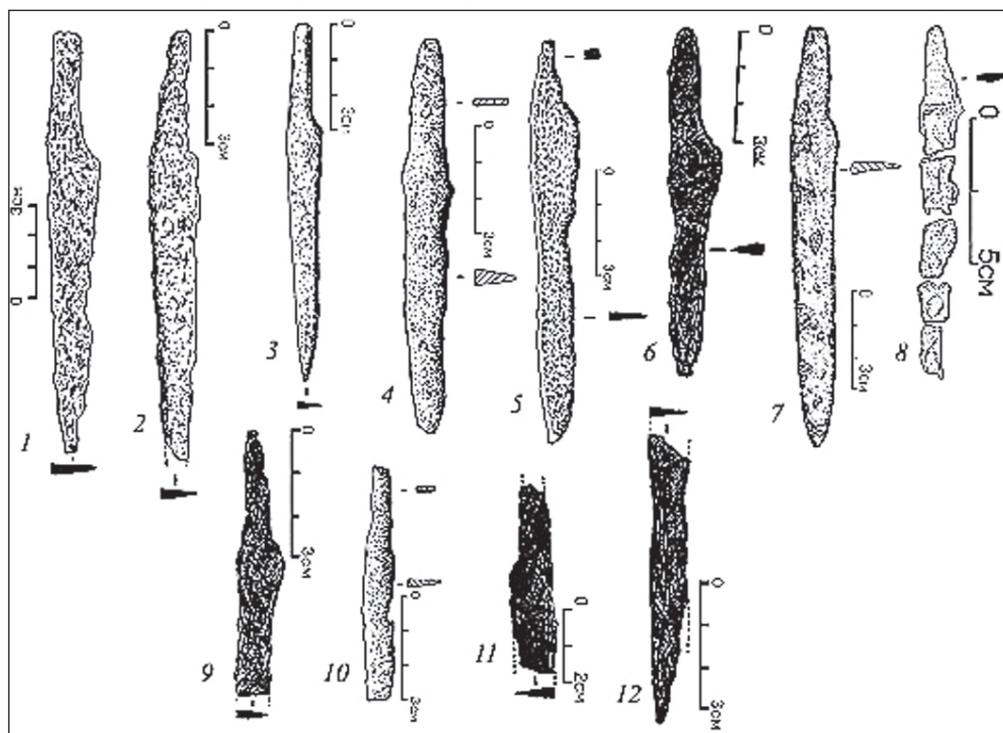

Рис. 2. Бытовые ножи из могильника Верх-Уймон: 1 – курган №11; 2 – курган №19; 3 – курган №20; 4, 10 – курган №33; 5 – курган №32; 6 – курган №30; 7 – курган №37; 8 – курган №5; 9 – курган №28; 11 – курган №31; 12 – курган №29

Железный нож с сечением клинка в виде высокого треугольника был обнаружен в кургане №11 (кенотаф) среди прочего инвентаря. Общая длина ножа – 13,5 см, длина

клинка – 9,5 см, длина черешка – 4 см, максимальная ширина клинка – 1,5 см, максимальная ширина черешка – 1,3 см (рис. 2.-1).

Железный нож с сечением клинка в виде высокого треугольника найден в кургане №19, в области правого локтя погребенной. Изделие неполной сохранности (обломано острие клинка). Общая длина изделия – 11,4 см, длина сохранившейся части клинка – 8,4 см, длина черешка – 3 см, максимальная ширина клинка – 1,2 см, максимальная ширина черешка – 1 см (рис. 2.-2).

Железный нож с сечением клинка в виде высокого треугольника найден в кургане №20, справа от черепа погребенного. Общая длина изделия – 10 см, длина клинка – 7 см, длина черешка – 3 см, максимальная ширина клинка – 1 см, максимальная ширина черешка – 0,7 см (рис. 2.-3).

Железный нож во фрагментах с сечением клинка в виде высокого треугольника обнаружен в кургане №28 (кенотаф?), в яме. Изделие неполной сохранности: клинок сломан. Размеры сохранившегося фрагмента следующие: общая длина – 6,4 см, длина сохранившейся части клинка – 3,7 см, длина черешка – 2,7 см, максимальная ширина клинка – 1 см, максимальная ширина черешка – 0,7 см (рис. 2.-9).

Следующий железный нож представлен фрагментом клинка с сечением в виде высокого треугольника. Он найден в кургане №29, в районе пояса погребенного. Длина сохранившейся части клинка – 6,8 см, максимальная ширина – 1 см (рис. 2.-12).

Железный нож с сечением клинка в виде высокого треугольника обнаружен в кургане №30 в районе тазовых костей погребенного. Общая длина ножа – 9,7 см, длина клинка – 6,7 см, длина черешка – 3 см, максимальная ширина клинка – 1,5 см, максимальная ширина черешка – 0,8 см (рис. 2.-6).

Железный нож во фрагментах происходит из кургана №31. Найден в районе левой ноги погребенного. Длина сохранившегося фрагмента – 5 см, длина сохранившейся части клинка – 3 см, длина сохранившейся части черешка – 2 см, максимальная ширина клинка – 1 см, максимальная ширина черешка – 0,8 см (рис. 2.-11).

Железный нож зачищен в погребении кургана №32, у изголовья погребенного на каменной плите среди костей животного (овцы?). Общая длина изделия – 12 см, длина клинка – 10,5 см, длина черешка – 1,5 см, максимальная ширина клинка – 1,5 см, максимальная ширина черешка – 0,8 см (рис. 2.-5).

Железный нож с сечением клинка в виде высокого треугольника обнаружен в кургане №33, справа от тазовых костей погребенного. Общая длина ножа – 11,5 см, длина клинка – 7,5 см, длина черешка – 4 см, максимальная ширина клинка – 1,2 см, максимальная ширина черешка – 1 см (рис. 2.-4).

Железный нож с сечением клинка в виде высокого треугольника был зафиксирован в том же кургане №33, в области левого плеча погребенного. Нож неполной сохранности: острие клинка сломано, изделие сильно коррозировано. Размеры сохранившегося фрагмента следующие: общая длина – 6,8 см, длина сохранившейся части клинка – 5,3 см, длина черешка – 1,5 см, максимальная ширина клинка – 1 см, максимальная ширина черешка – 0,7 см (рис. 2.-10).

Железный нож найден в кургане №37, между кистью правой руки и тазовыми костями погребенного. Общая длина изделия – 13 см, длина клинка – 10,4 см, длина черешка – 2,6 см, максимальная ширина клинка – 1,4 см, максимальная ширина черешка – 1 см (рис. 2.-7).

Стамески. Железная стамеска (рис. 1.-5; фото 1.-1) обнаружена под насыпью кургана №20. Изготовлена из четырехгранного железного прута. Один из концов, оформленный лезвием, выглядит как несомкнутая петля из сильно расплющенного и заточенного по краю прута (1/3 от размера предмета). Ширина лезвия – 2 см. Лезвие должно замкнуть круг диаметром – 2,5 см. Другой конец прута согнут и образует угол 100°. Длина инструмента – 14 см. Размеры стержня стамески в сечении составляют примерно 0,8x0,5 см. Орудие относится к радиусным стамескам [Категории резцов стамесок...].

Фото 1. Стамески из могильника Верх-Уймон:
1 – радиусная стамеска; 2 – стамеска-клюкарза

Железная стамеска (рис. 1.-6; фото 1.-2) обнаружена в погребении кургана №15. В основе она также имела четырехгранный прут. Один конец согнут, расплющен и оформлен округлым плоским лезвием. Второй конец сохранился не полностью. Размеры рабочего края – 3x2,5 см. Длина инструмента – 13,5 см. Размеры сечения стержня стамески – 0,6x0,3 см. Орудие относится к стамескам-клюкарзам [Категории резцов стамесок...].

Режущие-проворачивающие инструменты

Железное шило найдено в погребении кургана №37, под костями таза. Длина инструмента – 12,5 см. В сечении шило имеет размеры: 0,7x0,3 см – в районе предполагаемой рукояти; 0,5x0,5 см – в центральной части; 0,1x0,1 см – в районе острия (рис. 1.-4). Изделие имеет ровные и четкие грани. На более широком конце прослеживаются остатки дерева (от рукояти?).

Обсуждение материалов

Полученные на могильнике Верх-Уймон инструменты, независимо от того, к какой из выделенных категорий они относятся, делятся на универсальные (или полифункциональные) и специализированные. Универсальные орудия представлены двенадцатью ножами и шилом. К специализированным инструментам относятся все остальные – три тесла и две стамески.

Ножи – одна из самых массовых категорий погребального инвентаря. Они имеются как в мужских, так и в женских погребениях. Всего при исследовании верх-уймонских погребений было обнаружено около 30 экз. железных ножей и их фрагментов различных размеров. В данную публикацию вошли ножи предположительно бытового назначения. Конкретные размеры для данного типа изделий установить сложно, поэтому мы сочли возможным отнести к ним верх-уймонские ножи, размеры которых колеблются в пределах 13 см, исходя из того, что к боевым ножам оружейеды относят экземпляры, длина клинка которых не короче 13 см, а толщина – не менее 0,3 см [Горелик, 2003, с. 11; Горбунов, 2006, с. 75].

Верх-уймонские бытовые ножи однотипны: железные, однолезвийные, черешковые, с острым окончанием, без перекрестья, с уступом со стороны лезвия. Большая часть ножей с наклонной рукоятью и выпуклым обушком.

Практически все экземпляры были обнаружены в непосредственной близости с остатками погребальной пищи. В силу своей полифункциональности ножи могли использоваться в различных отраслях производства. Для обработки древесины служили небольшие ножи, преимущественно с узким обушком и острым лезвием, об этом свидетельствуют данные трасологического анализа деревянных изделий из памятников пазырыкской культуры [Мильников, 2008, с. 30].

Всего нами было учтено на Алтае свыше 150 экз. железных черешковых ножей гунно-сарматского времени предположительно бытового назначения [Захаров, 1926; Сорокин, 1977; Глоба, 1983; Мамадаков, 1985; Кубарев и др., 1990; Худяков и др., 1990; Тетерин, 1991; Соенов, Эбель, 1992; Кирюшин и др., 1992; Соенов, Эбель, 1992; Деревянко, Молодин, 1994; Мамадаков, 1995; Кочеев, Суразаков, 2003; Бобров и др., 2003; Соенов, 2003; 2005; Худяков, 2005а–б; Тишкин, Горбунов, 2005; Соенов, 2011; Кирюшин и др., 2011; Суразаков, 1980–1982; 1984–1988; 1990; 1991].

Железный четырехгранный и заостренный стержень из кургана №37, очевидно, являлся шилом. Изделие имело деревянную рукоять, о чем свидетельствуют остатки дерева на конце. В гунно-сарматское время железные шилья имеют почти одинаковые внешние признаки – четырехгранный стержень, заостренный на конце и имеющий деревянную рукоять.

Шило, как и ножи, относится к полифункциональным орудиям, хотя количество направлений его использования значительно меньше. В современном мире шило – игла с рукоятью – используется, например, закройщиками и мастерами по обуви для прокалывания плотных материалов (кожи). Применяется также столярами и плотниками [Шило: Википедия...].

Аналогичное верх-уймонскому изделие было обнаружено на поселении Майма-I. Оно не опубликовано и хранится в г. Горно-Алтайске, в фондах Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина (инв. №11693/5). Три железных четырехгранных заостренных стержня происходят из слоев гунно-сарматского времени Денисовой пещеры [Деревянко, Молодин, 1994, с. 101, рис. 15.-1–3]. Очевидно, они представляют собой шилья. Железное граненое шило обнаружено в кургане №4 могильника Усть-Бийке [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 58]. Еще один экземпляр был найден при исследовании погребений памятника Яломан-II. Шило было, вероятно, аналогичной формы, но полностью сохранилась только деревянная рукоять. Противоположная часть шила утрачена [Тишкин, 2011, с. 174].

Раннее средневековье	VIII–X вв.								
	VI–VIII вв.								
Гуно-сарматское время									
Ранний железный век									
Эпоха бронзы									

Таблица 1. Эволюция тесел на Алтае: 1 – курган у с. Озерное (по: Кубарев, 2009); 2, 3 – коллекция Н.С. Гуляева (по: [Абдулганеев, 1982]); 4 – с. Уожан (по: [Киреев, 2008]); 5 – пер. Кузюяк (по: [Кудрявцев, 1993]); 6–9 – коллекция Горно-Алтайского республиканского музея (по: [Суразаков, 1997]); 10 – ур. Карасук (по: [Кудрявцев, 1993]); 11 – фонды Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея (по: [Соенов, 2001]); 12 – Майма-I (по: [Абдулганеев, 1998]); 13–15 – Верх-Уймон (к. №38, 33, 37); 16 – Балык-Соок-I, к. 11 (по: [Кубарев, 2005]); 17 – Барбургазы-I, к. №20 (по: [Кубарев, 2005]); 18 – Юстыд-I, к. №8 (по: [Кубарев, 2005]); 19 – Курай-III, к. №1 (по: [Гаврилова, 1965]); 20, 21 – Бике-III, к. №9, 12 (по: [Кубарев, 2005]); 22 – Барбургазы-III, к. №7 (по: [Кубарев, 2005]); 23 – Катанда-II, к. №2 (по: [Гаврилова, 1965]); 24 – Чобурак-I, к. №2, погр. 1 (по: [Бородовский, 1994])

Тесла считаются плотницкими инструментами, применяющимися для выдалбливания различных изделий из дерева (например, корыт, лодок и др.) и вырубки пазов [Тесло: Википедия...]. В археологических памятниках встречаются в мужских погребениях. В научной литературе отражено мнение, согласно которому эти орудия, кроме деревообрабатывающей функции, могли выполнять функцию оружия [Соловьев, 1987, с. 90; Худяков, 1981, с. 120]. Часть исследователей считают тесло универсальным орудием хозяйственных занятий [Могильников, 1981, с. 195; Кызласов, 1969, с. 103; Киселев, 1951, с. 516; Кубарев, 2005, с. 74]. Положение тесел в мужских погребениях связано, вероятно, с профессиональной деятельностью погребенных. Мастер-деревообработчик одинаково профессионально использовал тесло для обработки как крупных деревянных конструкций (погребальных колод, бревен и пр.), так и небольших предметов (посуды), что доказывают исследования следов на votивной погребальной посуде из могильника Курайка [Соенов, Штанакова, 2011а, с. 178–181].

Все верх-уймонские тесла относятся к группе узколезвийных, типу – с несомкнутой втулкой. В памятниках Алтая гунно-сарматского времени аналогичное тесло известно в материалах поселения Майма-I [Абдулганеев, 1998, с. 167, рис. 1.-1]. В научной литературе также имеются упоминания о находках железных тесел среди материалов могильника Степушка-I [Кирюшин и др., 2010, с. 94]. По мнению исследователей, такие тесла бытовали по всей Западной Сибири с I в. до н.э. по IV в. н.э. [Чиндина, 1984, с. 58–59]. Им предшествовали разнообразные бронзовые тесла кельтообразной формы – кельты-лопатки, кельты-тесла с пещеркой, с двумя боковыми ушками, с одним ушком на лицевой части, с петельками и т.д. (табл. 1), которые продолжали существовать на Алтае на протяжении всего I тыс. до н.э. В зависимости от способа насада на рукоять они могли использоваться как тесла или как топоры [Бобков, 1985].

Знакомство населения Алтая с железом, главным образом, как материалом для изготовления предметов вооружения и орудий труда произошло еще в I тыс. до н.э., а почти полный переход от бронзолитейного производства к железоделательному произошел в начале I тыс. н.э. [Худяков, 1989, с. 35]. С широким распространением железа на смену бронзовым кельтам-теслам приходят железные тесла и топоры. Железные узколезвийные тесла с несомкнутой втулкой, появившиеся в предтюрокское время, продолжают встречаться и в памятниках раннего средневековья (VI–VIII вв.) как Алтая (табл. 1), так и его предгорий и лесостепи, Тувы и Минусинской котловины [Кубарев, 2005, с. 72; Нестеров, 1981, с. 168–172]. Примерно с VIII в. н.э. форма железных тесел несколько изменяется [Нестеров, 1981, с. 171–172], что было связано, по всей видимости, с упрощением технологии их изготовления.

Наибольший интерес представляют две верх-уймонские специализированные стамески из курганов №15 и 20: радиусная стамеска и плоская стамеска-клюкарза с характерным ступенчатым изгибом (рис. 1.-5–6). Обе разновидности стамесок считаются ложкорезами и применяются в основном для производства различных элементов столовой посуды и ложек. В функциональном отношении радиусная стамеска предназначена для выборки углублений в посуде. Стамеска-клюкарза применялась для оформления, более тщательной проработки внутренней части дна глубокой посуды. Ступенчатое устройство лезвия клюкарзы позволяло производить более качественную подработку. В технологической последовательности применяется после работы радиусной стамеской [Категории резцов стамесок...]. Деревянные изделия, при изготовлении которых

могли применяться такие инструменты, фиксируются в погребальных памятниках Алтая. Так, в кургане №227 могильника Балыктыюль (за черепом погребенного и в бронзовом котле) обнаружен деревянный кувшин, вырезанный из нароста и имеющий яйцевидный корпус, слегка вогнутое дно и на середине высоты небольшую вертикальную ручку. Там же находился обломок боковины деревянной чаши [Сорокин, 1977, с. 58]. В погребении кургана №35 могильника Булан-Кобы-IV найдены остатки деревянной чашки диаметром 6 см [Мамадаков, 1985, с. 178]. В кургане №100 могильника Курайка выявлены фрагменты чашки-пиалы [Соенов, Эбель, 1998, с. 116; Соенов, Штанакова, 2011а, с. 180–181]. При изучении погребения 5 могильника Бош-Туу-1 в изголовье был обнаружен вырезанный из цельного куска дерева сосуд с боковой кольцевидной ручкой [Могильников, Суразаков, 1995, с. 63]. В кургане №31 могильника Яломан-II был обнаружен деревянный сосуд из березового нароста – деревянная кружка [Тишкин, 2011, с. 174].

Однако сами ложкорезы пока не имеют аналогий в памятниках Алтая и сопредельных регионов гунно-сарматского времени*. Ближайшим по хронологии экземпляром является ложкорез, относящийся к мазунинской культуре Прикамья и датируемый III–V вв. н.э. [Останина, 1997, с. 284] (рис. 3.-6). Наиболее ранний ложкорез, найденный в Западной Сибири, отнесен исследователями к саргатской культуре и датирован V–III вв. до н.э. (рис. 3.-1) [Степная полоса Азиатской части СССР..., 1992, с. 473, табл. 123]. Но основные аналогии ложкорезам имеются в более поздних памятниках Евразии, относящихся к культурам раннего средневековья (V–X вв. н.э.): бахмутинской (рис. 3.-3) [Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 116], восточно-славянской (рис. 3.-5, 7) [Седов, 1982, с. 239], салтово-маяцкой (рис. 3.-4) [Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 149].

Характеризуя комплекс деревообрабатывающих орудий населения Горного Алтая гунно-сарматского времени, стоит опираться на две группы источников – инструменты и следы их воздействия на изделия. Первая группа источников позволяет говорить, что в арсенале деревообработчика были лезвийные орудия, очевидно, ножи; орудия для их заточки – точильные бруски [Захаров, 1926, с. 79; Соенов, Эбель, 1998, с. 115; Кочеев, Суразаков, 2003, с. 71; Бобров и др., 2003, с. 176; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 58; Акимова (Вдовина), 2008, с. 42; Соенов и др., 2011, с. 54]; напильники [Древние культуры..., 1994, с. 104, рис. 95, 1]; тесла; разновидности узкоспециализированных стамесок; шилья. Данные по второй группе источников подтверждают использование таких орудий при обработке древесины.

Сравнительный анализ деревообрабатывающего инструментария в скифское и гунно-сарматское время затруднен отсутствием находок инструментов в памятниках пазырыкской культуры. Поэтому важную роль в определении состава деревообрабатывающего инструментария сыграли данные трасологии [Семенов, 1956; Мыльников, 1999, 2008]. Деревообработка «пазырыкцев» была на довольно высоком уровне. Помимо широко используемых тесел, топоров, долот, шильев и шлифовальных орудий, исследователи отмечают применение сверл-перок и коловорота [Семенов, 1956]. Применение последних в гунно-сарматское время в деревообработке пока не отмечалось исследователями, что связано, скорее всего, с плохой сохранностью деревянных изделий. Свидетельства использования встречного сверления в тот период мы довольно часто встре-

* Когда статья была уже подготовлена к публикации нам стало известно, что в 2010 г. на могильнике булан-кобинской культуры Степушка-1 на Урсуле барнаульскими коллегами была раскопана могила с набором ремесленного инструментария, среди которых были железные стамески. Благодарим А.А. Тишкина и С.С. Матренина за предоставленную информацию о неопубликованных материалах.

чаем на изделиях из других, более долговечных, материалов: кость, зубы, когти [Соенов, Штанакова, 2011б, с. 197–211; Соенов и др., 2011, с. 52–54; Кубарев и др., 1990, с. 43–93; Соенов, Эбель, 1992, с. 19–27; Худяков, 2005, с. 480–484; Глоба, 1983, с. 116–121].

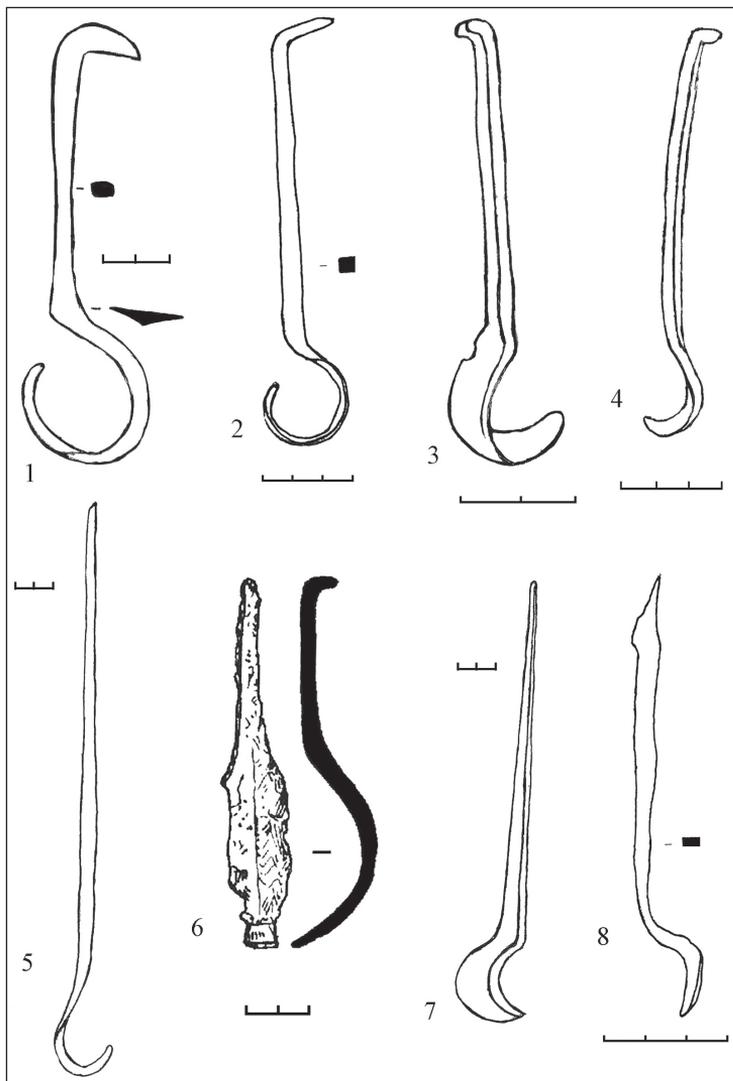

Рис. 3. Стамески из археологических памятников: 1 – саргатская культура (по: [Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время, 1992]); 2, 8 – булан-кобинская культура; 3 – бахмутинская культура (по: [Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981]); 4 – салтово-маяцкая культура (по: [Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981]); 5, 7 – роменско-борщевская культура (по: [Седов, 1982]); 6 – мазунинская культура (по: [Останина, 1997])

Таким образом, в гунно-сарматское время происходит изменение форм орудий (тесла с несомкнутой втулкой) и появление узкоспециализированных инструментов (для производства посуды и, возможно, других емкостей), позволяющих при последо-

вательном использовании довести изделие до совершенства. Во всяком случае, такие инструменты в предшествующей пазырыкской культуре пока не зафиксированы, хотя похожие булан-кобинским формы сосудов в погребениях «пазырыкцев» встречаются. Одним из главных изменений деревообрабатывающего инструментария в гунно-сарматское время становится материал для их изготовления – железо. Подтверждения использования железных орудий в пазырыкский период пока нет, все случайно найденные инструменты для обработки дерева изготовлены из бронзы.

Заключение

В начале I тыс. н.э. техника и технология деревообработки продолжают изменяться и совершенствоваться. Исследователями отмечается появление и распространение гуннской традиции в обработке дерева, что могло быть вызвано такими причинами, как пребывание на Алтае одной из групп хунну либо населения, испытавшего на себе их влияние, а также возможным попаданием Алтая под политическое влияние государства хунну [Мыльников, 2008, с. 63; Молодин, Мыльников, 1999, с. 452]. Традиции обработки дерева гунно-сарматского времени отражены в технико-технологических особенностях погребальных сооружений [Мыльников, 2008, с. 63]. Все эти изменения в традициях обработки дерева, главным образом, связаны с качественными изменениями в составе инструментария. В это время не происходит появления новых орудий, но уже имеющиеся были значительно усовершенствованы. Это касается, в первую очередь, широкого распространения железа в производстве орудий труда. Изменяется и форма инструментов. В частности, появляется тесло с несомкнутой втулкой (ранее были известны только бронзовые кельты-тесла) и узкоспециализированные лезвийные орудия (стамески), предназначенные для производства конкретных разновидностей предметов, в нашем случае, глубокой посуды. Использование таких инструментов подтверждается находками в погребениях глубокой деревянной посуды типа кружкообразных сосудов с круглым дном, кувшинов, чаш, ковшей и пр.

Узкоспециализированные инструменты появляются только при развитом ремесленном производстве. Деревообработка на Алтае в гунно-сарматское время, возможно, еще не выделяется в самостоятельное ремесленное производство, а продолжает в какой-то мере существовать в рамках домашних производств [Тишкин, Мыльников, 2007, с. 165]. Но произошедшие трансформации в составе орудий, появление узкой специализации в деревообрабатывающем инструментарии отражают процесс выделения деревообрабатывающего ремесла в самостоятельную сферу деятельности.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 52–77.

Абдулганеев М.Т. Поселение Майма-1 и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 165–171.

Акимова (Вдовина) Т.А. Поселение Урлу-Аспак-1 в Майминском районе Республики Алтай // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2008. Вып. 7. С. 37–42.

Бобков В.А. Способы крепления кельтов-топоров в скифское время // Археология Южной Сибири. Кемерово: Изд. КемГУ, 1985. С. 51–58.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.

Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуні // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 75–82.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.

Варенов А.В. Кельты-лопатки Сибири, Китая и восточного Туркестана и возможные истоки сейминской металлургии // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. С. 18–21.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 113 с.

Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск: Изд. ГАНИИИЯЛ. 1983. С. 116–126.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Грязнов М.П. Первый пазырыкский курган. Л.: Государственный Эрмитаж, 1950. 90 с.

Дервянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1994. 260 с.

Дьяконова В.П. Некоторые палеоэтнографические черты в традиционной культуре тувинцев // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 198–212.

Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1865 г. // Труды ГИМ. М., 1926. Вып. 1. С. 71–106.

Категории резцов стамесок. Древпортал: пиломатериалы деревообработка [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dre.vportal.ru/stolyar/public/22/>.

Киреев С.М. Случайные находки археологических предметов из Горной и предгорной зон Алтая // Анохинские чтения: мат. V науч. конф., посвящ. 90-летию НМРА. Горно-Алтайск: Изд. НМРА, 2008. С. 36–49.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескень-VI на Средней Катуні // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: Изд. БГПИ, 1992. С. 125–130.

Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2010 г.: мат. VII регион. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию лаборатории исторического краеведения. Барнаул: Изд. АлтГПА, 2011. Вып. 7. С. 92–98.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.

Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. 167 с.

Кочеев В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в бассейне р. Коир // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2003. №10. С. 70–83.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 219 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 201 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1990. 190 с.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 264 с.

Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Киреев С.М. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуні. Новосибирск: Наука, 1990. С. 43–95.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Кудрявцев П.И. Новые случайные находки бронзовых кельтов в Горном Алтае // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. I. С. 144–146.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 210 с.

Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки на могильнике Катанда-3 // Проблемы охраны, использования и изучения культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 125–131.

Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 173–189.

- Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 194–200.
- Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки курганов гуннского времени у с. Малая Иня в Горном Алтае // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М.: Наука, 1995. С. 62–74.
- Молодин В.И., Мыльников В.П. Верх-Кальджин-2 и проблемы деревообработки у носителей пазырыкской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. Т. V. С. 446–453.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). М.: Триумф принт, 2012. 566 с.
- Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. 364 с.
- Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. 232 с.
- Нестеров С.П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 168–172.
- Останина Т.И. Население среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.
- Полосьяк Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: Инфолио-пресс, 2001. 336 с.
- Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника / пер. с нем. К.Д. Цивиной и Б.Е. Чистовой. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1960. 350 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1953. 402 с.
- Самашев З.С., Мыльников В.П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана №11, могильника Берел). Алматы: БЕРЕЛ, 2003. 312 с.
- Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. 328 с.
- Семёнов А.И. Ксилотомические анализы материалов гуннского облика из пещеры Камтыттукем // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 147–149.
- Семенов А.И. Обработка дерева на древнем Алтае // Советская археология. 1956. Т. 26. С. 204–230.
- Соенов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2003а. 159 с.
- Соенов В.И. Отчет об археологических разведках в Чемальском, Шебалинском, Онгудайском, Кош-Агачском, Улаганском, Усть-Канском районах Республики Алтай и раскопки на могильнике Верх-Уймон в 2003 году. Горно-Алтайск, 2003б // Архив ИА РАН.
- Соенов В.И. Новое поступление бронзовых изделий в фонды ГАРКМ // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2001. №7. С. 54–56.
- Соенов В.И. Отчет об археологических разведках в Чемальском, Майминском, Улаганском, Кош-Агачском, Усть-Канском районах Республики Алтай и раскопки на могильнике Верх-Уймон в 2004 году. Горно-Алтайск, 2005 // Архив ИА РАН.
- Соенов В.И. Отчет об археологических разведках в Майминском районе Республики Алтай и аварийных раскопках на могильнике Степушка-2 в Онгудайском районе в 2010 году. Горно-Алтайск, 2011 // Архив ИА РАН.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Охранные раскопки в Верх-Уймоне // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 157–158.
- Соенов В.И. Погребальный обряд населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997. 22 с.
- Соенов В.И. Продолжение охранных раскопок на могильнике Верх-Уймон в Горном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. Вып. XI. С. 201–202.
- Соенов В.И. Разведки в Горном Алтае и раскопки на могильнике Верх-Уймон // Археологические открытия 2004 года. М.: Наука, 2005. С. 486–487.

Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2000. №5. С. 48–62.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Черепанов М.А. Раскопки погребений гунно-сарматской эпохи на могильнике Верх-Уймон в 2003–2004 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. XIV. С. 169–171.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соенов Д.В. Чепошские городища. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2011. 228 с.

Соенов В.И., Штанакова Е.А. Деревянная посуда из погребений могильника Курайка // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011а. Вып. 6. С. 177–186.

Соенов В.И., Штанакова Е.А. Косторезное дело населения городища Нижний Чепош-3 (Горный Алтай) // European social science journal (Европейский журнал социальных наук). 2011б. №4. С. 197–211.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. 114 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Охранные раскопки в Верх-Уймоне // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. Вып. VII. С. 157–158.

Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 1998. №3. С. 113–135.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. 192 с.

Сорокин С.С. Погребения «эпохи великого переселения народов» в районе Пазырыка // АСГЭ. Л., 1977. Вып. 18. С. 57–67.

Степи Евразии в эпоху средневековья / под ред. С.А. Плетневой. М.: Наука, 1981. 305 с. (Археология СССР).

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / под ред. М.Г. Мошковой. М.: Наука, 1992. 496 с. (Археология СССР).

Столярная мастерская [Электронный ресурс] // <http://www.drevportal.ru/stolyar/public/22/>.

Суразаков А.С. Некоторые материалы эпохи раннего железа из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 1997. №2. С. 85–93.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1980 года. Горно-Алтайск, 1980 // Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1982 г. Горно-Алтайск, 1991 // Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1984 года. Горно-Алтайск, 1984 // Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1985 г. Горно-Алтайск, 1985 // Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1986 г. Горно-Алтайск, 1986 // Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1987 г. Горно-Алтайск, 1987 // Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1988 г. Горно-Алтайск, 1988 // Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1989 г. Горно-Алтайск, 1990 // Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1990 г. Горно-Алтайск, 1991 // Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова.

Тесло: Википедия [Электронный ресурс] // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%E5%F1%EB%E>.

Тетерин Ю.В. Могильник Дялян новый памятник предтюрокского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 155–157.

Тишкин А.А. Возможности реконструкции женской одежды хуннского времени по археологическим материалам из Горного Алтая // *Снаряжение кочевников Евразии*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 195–201.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревянные изделия из кургана №31 памятника Яломан-II на Алтае // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2008. №1(33). С. 93–102.

Тишкин А.А. Керамические сосуды из курганов хуннского времени могильника Яломан-II (Горный Алтай) // *Западная и Южная Сибирь в древности*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 129–135.

Тишкин А.А. Программа ксилотомических исследований археологических находок из древних и средневековых памятников Алтая // *Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 330–332.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Начало изучения комплекса деревянных изделий булан-кобинской культуры Алтая // *Алтае-Саянская горная страна и история изучения ее кочевниками*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 159–165.

Феномен алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 320 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников приалтайских степей в IX–X вв. // *Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск: Наука, 1981. С. 115–132.

Худяков Ю.С. Процесс перехода от бронзолитейной к железоделательной технологии в оружейном производстве в Западной и Южной Сибири // *Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков*. Тюмень: Изд. ТюмГУ, 1989. С. 25–41.

Худяков Ю.С. Могила изгоя в урочище Улуг-Чолтух // *Природа*. 2005а. №5. С. 63–66.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2005 // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005б. Т. XI, ч. I. С. 480–484.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // *Археологические исследования на Катунь*. Новосибирск: Наука, 1990. С. 95–150.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.

Шило: Википедия [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D8%E8%EB%E8>.

V.I. Soenov, E.A. Konstantinova
WOOD-WORKING TOOLS
FROM VERKH-UIMON BARROW (Altai)

The article evaluates the level of crafts development among the population of the Bulan-Koba culture of Altai during the Gunno-Sarmat period (2nd century BC – 5th century AD) and considers a range of iron wood-working tools found in the Verkh-Uimon barrow. These tools are represented by adzes, cutter-crank awls, cutter-chipper knives and chisels. The findings of specialized tools (radius chisel and spoon chisel) serve as an important and definite indicator of the developed wood-working handicrafts among the population of the Bulan-Koba culture. The uses of these tools can be supported by the following findings from the barrows: hollow woodenware such as cup-shaped containers with round bottoms, jars, bowls, scoops etc. In the opinion of the authors the use of specialist chisels by the Bulan-Koba people makes wood-working handicrafts a separate sphere of activity. Various polyfunctional edge tools, instruments for their sharpening and items with the traces left from processing are also characteristic of developed wood-working handicrafts.

Keywords: Altai, the Gunno-Sarmat period, Verkh-Uimon, barrow, the Bulan-Koba culture, crafts, wood-working, tools.